

Министерство образования
и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ПОЛИЯЗЫЧНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: МОДЕЛИ, ПУТИ СОЗДАНИЯ, ПРАКТИКИ

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

МОНОСРЕДА – ЭТА У НАС УСТАНОВКА ТАКАЯ!

Интервью с Артемом Рыкуном, доктором социологических наук, проректором по международным связям Национального исследовательского Томского государственного университета

Артем Юрьевич Рыкун с 2013 года проректор по международным связям Томского государственного университета. Основываясь на своем международном опыте, приобретенном им во время стажировки в Университете Чикаго в 2000 году, совместно с ректором ТГУ Эдуардом Галажинским спроектировал и построил многоуровневую полиязычную среду университета, включающую следующие элементы: интенсивные тренинги по английскому языку для сотрудников ректората; включение во все подразделения университета

сотрудника, владеющего английским языком; клуб и кафе английского языка; профессиональные семинары на английском языке во всех департаментах университета; курс академического письма и курс академического английского; семестровые курсы английского языка для исследователей и профессоров ТГУ (преподаватель – Джин Коллонтай, выпускница Университета Беркли, Калифорния); англоязычная навигация по кампусу ТГУ; китайская версия сайта ТГУ и присутствие ТГУ в китайских социальных сетях; клуб разговорного арабского языка (ведущие Наталья Жадовец и Тарик Шахин); клуб разговорного иврита (ведущая Наталья Жадовец); российско-итальянский/итало-российский онлайн-курс (в разработке)). Научные интересы Артема: социология труда и современная социальная теория.

Интервью взяла Мария Гузикова

– Артем, я хочу спросить о том, какую, по-твоему, роль играет создание полиязычной среды для поддержки интернационализации университета. Судя по публикациям на эту тему, говорить о полиязы-

чий среды в условиях глобализации можно достаточно условно. На самом деле зачастую речь идет о ее англификации. Как ты видишь этот процесс в общем и в частности в Томском государственном университете?

– Вопрос на самом деле достаточно интересный, неоднозначный, потому что мультязычная среда – это именно мультязычная среда, и прелесть заключается в том, что развиваются и другие языки, кроме английского. Мы создаем чувствительность к языку вообще и к английскому в частности. На мой взгляд, акцент на английском как единственном средстве межкультурной коммуникации очень часто опасен. На практике часто используется примитивизированный вариант английского языка, в котором уже нет английского произношения, да и сам лексический и грамматический конструкционный ряд оказывается чрезвычайно упрощенным. Почему это происходит? Это обусловлено тем, что на английском говорят ученые с учеными, говорят профессионалы на профессиональные темы. Когда их языковой компетенции хватает для того, чтобы они обходились ограниченным набором ключевых слов, а это в основном профессиональная лексика и простейшие грамматические конструкции, язык очень сильно упрощается. Конечно, это уже не культурная коммуникация, это какой-то специфический, совершенно новый вид коммуникации. Он существовал и раньше, еще тогда, когда началась международная торговля между венецианскими и генуэзскими купцами и Левантом, а может быть, и еще раньше. Сегодня такой вариант пиджин-английского продолжает существовать на Ближнем Востоке и не только там.

– Как, по-твоему, должна выглядеть полноценная межкультурная коммуникация?

– Если мы говорим о полноценном межкультурном взаимодействии, то оно предполагает все-таки хорошее знание и понимание языка; не просто использование его как средства общения, а именно, как говорил Хайдеггер, язык как «дом бытия» – очень сложная, многоаспектная и тонкая субстанция, которая требует к себе особого отношения. С этой точки зрения интереснее на хорошем уровне выучить немецкий или итальянский, или какой-нибудь другой язык и говорить на нем, чем говорить на плохом английском везде. Поэтому если у нас хватает возможностей, хватает сил, то мы должны развивать другие языки тоже, не только английский. Понятно, что в силу обстоятельств мы вынуждены бросать все силы пока на совсем ограниченное количество языков. В случае ТГУ это английский и китайский. Но у нас есть преподаватели и студенты, которые добровольно и с огромным интересом изучают арабский, японский, иврит, не говоря уже о французском, немецком, итальянском. У нас колоссальный спрос на итальянский, испанский, португальский. Все эти языки у нас преподаются. Люди ходят сами, деньги

платят, им интересно. Ходят вечером, в 10 часов вечера у нас занятия по арабскому. Насколько я знаю, в хороших, сильных зарубежных университетах примерно та же самая ситуация. Ни один уважающий себя профессор, не только филолог или социогуманитарий, но и ученые из других областей не ограничиваются знанием только одного языка, причем уровень владения очень приличный.

– А как развивать свой язык таким образом, чтобы он стал «домом бытия»?

– Как правило, знание языка, когда оно у человека есть, развивается не потому, что он читает литературу по специальности. Я очень часто от наших ученых слышу, что они читают исключительно профессиональную литературу. Чтение литературы по специальности в плане знания языка почти ничего не дает. Ты осваиваешь профессиональную лексику – около 300 слов – и дальше, если ты потом читаешь только статьи, ты на эти 300 слов реагируешь и больше ничего у тебя не наращивается – ни идиоматический ряд, ни времена, ни языковые конструкции. И если делать упор только на развитии английского языка, так и будет. Нет, поэтому в университете только мультикультурная, мультиязычная среда должна быть. Акцент на английский и китайский, которые мы развиваем, – это техническая временная мера.

– Мне кажется, что пока планомерные усилия по созданию полиязычной среды встречаются в российских университетах не так часто, как хотелось бы, либо концентрируются на поддержке английского языка. Это и понятно, надо ведь помогать ученым публиковаться и программы создавать на английском языке для привлечения иностранных студентов. Но то, что ты говоришь, это очень здорово, это же такая редкость, ты же, наверное, осознаешь?

– Я даже думаю, что об этом можно что-то написать.

– По моему опыту, твое видение полиязычной среды – это на самом деле редкий подход. А в целом преобладает подход, что необходимо поддерживать развитие англоязычной компетенции, потому что английский язык доминирует в науке и образовании сегодня. На мой вопрос, как в Париж-Сорбонне относятся к глобальному распространению английского, что для французов, наиболее последовательно пытающимся сохранить ареал распространения французского языка, поддерживающих франкофонию, очень болезненная тема, Доминик сказала, что они не собираются переходить на английский. Они поддерживают многоязычие. Сама Доминик прекрасно говорит на пяти языках. На мой вопрос, где же они печатаются, она ответила: во французских журналах. Как ты думаешь, мы можем себе позволить такое же отношение к распространению английского языка, как вузы, для которых интернационализация не тренд, не вызов, а традиция?

А вот в университете Копенгагена коллеги говорят, что английский – это язык, на котором они в профессиональной среде говорят большую часть времени. Так все-таки надо ли поддерживать и развивать англоязычную компетенцию в университете, как мы это уже три года делаем: бесплатно обучаем сотрудников английскому языку, статьи переводим, академическим письму вот будем учить? Андрей Волков (заместитель председателя Международного совета вузов 5-100. – *Прим. ред.*) в блиц-интервью со мной сказал, что нет, что это собес.

– Правильно. У нас в университете есть такие люди, которые говорят: «Если мы пришли на совещание, где будет обсуждаться письмо в английский или какой-то университет и кто-то здесь не понимает, что в этом письме написано, то, может быть, таким людям и не надо быть на этом совещании?»

– Но не так однозначно все. У нас в вузах 5-100 разные условия, не везде возможен, наверное, жесткий подход к компетенциям персонала. Мы не видим пока, чтобы работа в университете была настолько привлекательной, чтобы люди на вход в очереди стояли. Принципиально, я тоже считаю, что надо создать такие условия, в которых люди приходят с хорошим уровнем владения языком, хотя бы и только английским, либо хотя бы предпринимают усилия для того, чтобы выучить его для того, чтобы что-то писать, публиковаться. Вот вы в ТГУ много делаете, развиваете академическое письмо, статьи переводите на английский язык. Мы предпринимаем усилия для того, чтобы вовлечь более широкие круги уже работающих людей в публикационную активность или придать другое качество уже имеющейся работе. С одной стороны, я понимаю, что по большому счету мы должны требовать от сотрудников владения иностранным языком на достаточном уровне, но в реальности не все сотрудники к этому готовы. Вот и получается разрыв. Как ты отнесешься к этому?

– Ну вот у тебя ключевая фраза для меня здесь была, что мы такого персонала не имеем. У нас есть люди, которые и так знают английский. Есть небольшое количество людей, которые действительно готовы писать статьи мирового класса, и им не хватает только английского. Ну вот тут очень простая вещь: у нас наибольшая проблема, которая в связи с занятиями с Джин (Джин Коллонтай преподает курс академического письма в ТГУ. – *Прим. ред.*) выявилась, что не английский – проблема, а содержание, структура статей не удовлетворяет критериям, которые предъявляют сильные зарубежные журналы. Люди материал не так подают, не то подают. Я сейчас, конечно, прежде всего о социогуманитарных науках говорю. Структура наших статей, содержание действительно абсолютно не похоже на то, что дается в американских, английских и прочих хороших журналах. Нет измеряемых результатов, рассуждение и дискурс вместо фактов. То есть

то, что может быть интересно другому исследователю и легко конвертируется, верифицируемо и фальсифицируемо, почти отсутствует. Почему это так? А потому что они не читали или читали очень мало зарубежных статей. А те, кто читает, те, кто действительно участвует в мировой академической жизни, они и так умеют это все писать. Им нужен курс академического письма, чтобы чуть-чуть стиль отшлифовать. Такие тоже у нас есть. У нас около 15 человек в группу к Джин ходят, и, наверное, человек 5 из них такие. Им нужно только довести свои умения до блеска. И они поэтому к ней ходят. А есть масса людей, которые не ходят и вроде как пишут, но они пишут статьи, которые не имеют высокого импакта или издаются в России. Это существует во всем мире. В Китае, в Индии таких журналов много.

– Нет ли тут опасности, что люди научатся в конечном итоге имитировать требования рецензируемых журналов? А выдавать высокое качество исследований не начнут?

– Ты права, есть такой риск. Формируется совершенно специфический круг авторов, которые научились писать статьи в западном стиле, то есть в содержательном плане статья очень бедная, но она построена с точки зрения структуры так, как это требуется. За счет того, что человек хорошо знает зарубежную литературу и, в принципе, соответствует тем требованиям, которые предъявляются рецензируемыми журналами, статья пишется быстро, и она зачастую может быть принята к публикации. Но она никакая не прорывная, потому что там минимум информации. Так тоже можно. Публикации требуются от всех, это массовый процесс. Он и на Западе тоже происходит, когда публикуются материалы крайне не интересные. Приращение результата чрезвычайно небольшое. Об этом писали много раз, и Эндрю Эббот писал, и еще в свое время Чарльз Райт Миллз. Бывает, взят очень хорошо верифицируемый материал многолетнего лонгитюда, где изменение за 10 лет на 8 % произошло, и вот на этом ты и строишь свои выводы. Незначительная вещь с точки зрения науки, ничего примечательного, но верно упакованная, с корректной структурной организацией, и поэтому вполне публикуемая. Какая здесь польза для науки, это все же сомнительно. Сильной стороной отечественных социогуманитариев является рассуждение, они на нем привыкли статью строить, а западные авторы часто берут цифрами, которые либо не интерпретируются, либо не укладываются в большую какую-то картинку интересную, либо содержат крайне мало качественной информации.

– Это все укладывается в дискурс Михаила Соколова о туземной и провинциальной науке. То есть может получиться, что поддерживая публикационную активность, мы фактически помогаем людям публиковать то, что, может быть, и не стоило бы публиковать?

– Я сейчас как раз примерно об этом говорю. Что значит, не стоило бы публиковать? У нас есть свои критерии, как должна выглядеть научная

статья, в англосаксонском мире – свои. Зачастую статьи, которые там публикуются, тоже особой научной ценности не представляют, потому что там крайне мало качественно ценной информации, но они упакованы правильно. Мы считаем, что главное – рассуждать, а цифровая информация не так важна. Мне кажется, что эти вещи где-то взаимозаменяемые. В любом случае, туземная наука, если уж согласиться с этим термином и приложить его к нам, конвертируема, ее можно конвертировать. Мы можем научить людей писать так, как надо. Это то, что мы сейчас создаем им подпорки, это не так страшно. Например, в любом хорошем американском вузе есть курс академического письма, через который проходят магистранты и аспиранты в обязательном порядке. Некоторые – по несколько раз. Это при том что у них вообще более развитые навыки академического письма. Я в свое время использовал учебник социологии Родни Старка, и у него в конце есть глава «Что делать дальше?». Он там пишет, что если вы хотите учиться социологии, обязательно возьмите курс английской литературы. Зачем? – Писать научиться надо. Хороший социолог должен уметь писать статьи, эссе, отчет о своих исследованиях. Так наши этого пока не умеют делать, поэтому что их не учили, они часто косноязычны, плохо говорят, не умеют делать презентацию и не умеют презентовать свои материалы в статьях. Что же плохого в том, что мы сейчас их научим? Раньше такие предметы отсутствовали, некоторым везло, потому что у них были научные руководители, и они вычитывали их статьи, рефераты, курсовые работы. Но так, чтобы люди ходили на курсы академического письма, где курс длится семестр или два, как, например, в Северо-Западном университете Чикаго, такого, конечно, у нас все еще нет. Его преподает Чарльз Кэмик, который написал лучшую статью о Парсонсе за все времена. У нас такого не было и до сих пор в массе нет. Поэтому сейчас мы этот дефицит компенсируем. Да и иностранного языка у нас много никогда не было ни в школе, ни в вузе. Мы его толком не преподавали. Иностраный язык – это постоянная работа на нем, это чтение, это медийное восприятие и плюс больше часов в школе.

– Вы ввели больше часов иностранного языка в университете?

– Мы сейчас ввели большую программу для преподавателей, которые будут вести или уже ведут занятия на английском. И мы должны увеличить количество часов для студентов.

– Во многих странах, которые ставят перед собой на государственном уровне задачу интернационализации высшего образования, как в Китае или Южной Корее, например, в школе произошло увеличение часов английского языка, и он начинается раньше. На школьном уровне стали уделять больше внимания развитию исследовательских, проектных навыков. Стало понятно: чтобы повысить конкурентоспособность образовательной системы, а значит, и экономики

страны в целом, нужно рано начинать. К моменту поступления в вуз все необходимые компетенции должны быть уже сформированы или по крайней мере не формироваться с нуля.

– Ты знаешь, вообще-то, даже раньше, чем к моменту поступления в вуз. У моих друзей в Нидерландах дети говорят на английском уже в десятилетнем возрасте.

– Ну скандинавские страны с так называемыми «малыми» языками – это все-таки отдельный случай. Как говорят в интервью Анника и Тине (см. интервью с Анникой и Тиной. – *Прим. ред.*), понятно, что на датском или, как в том случае, о котором ты говоришь, на голландском никто не говорит. Поэтому там значительно раньше начинают. Все-таки там среда не монолингвальна, как в нашем случае.

– Нет, не соглашусь с тобой, Маша, у нас не моносреда. Я сейчас сижу в пятистах метрах от Татарской Слободы, и она тут всегда была. У нас в Томске проживает примерно 15–20 % татар, и они все знают два языка. Никто татарский не забывает. Ну мы-то тоже в этой среде живем, но почему-то у нас она «моно», а у них – «стерео». (*Смеется.*) Торговцев взять рыночных из Средней Азии и прочих, они говорят на нескольких своих языках и на нашем. Они каким-то образом оказываются в мультикультурной среде. На «моно» – это у нас культурная установка такая.

– То есть мы должны менять культурную установку?

– Для многих людей иностранный язык – это то, что либо дано, либо не дано. Это неправда. «Примитивный» рыночный торговец быстро выучивает иностранный язык. Я был сейчас на конференции в Великобритании, и нас вез в аэропорт таксист-афганец. Парень сносно говорит по-английски, хотя ошибки есть стилистические, грамматические, но все понятно и слышит очень хорошо. Я спрашиваю: «Как долго вы учили язык?» Он отвечает: «Два года». Причем половину времени он живет в Лондоне, половину в Афганистане. Фактически он выучил язык за год. Первые два месяца он вообще ничего не понимал, но за два года он выучил язык так, что он стал у него рабочим, при этом это обычный парень, и у него даже среднего образования нет. Он не знает, что такое талант или дар, он просто взял его и выучил. Если ему дать учителя и с ним специально заниматься, он быстро заговорит без акцента. Почему же у нас считается, что это либо дано, либо не дано? Многие так считают.

– Расскажи, пожалуйста, о том, что вы делаете в ТГУ для развития языковой среды.

– У нас создание языковой среды стало сразу главным приоритетом. Это было воспринято и ректоратом, и значительной частью сотрудников. Мы стали двигаться по нескольким направлениям. То есть стало сразу понятно, что нам нужно обучать прежде всего уже работающих людей, потому

что преподавание языка студентам – это такая страшная вещь, за которую было непонятно, как браться. С обучением студентов сразу уперлись в часы, и поняли, что хотя думать об этом надо, но не так быстро это получается. Второй момент: стало понятно сразу, что человек, по-русски не говорящий, иначе воспринимает физическую реальность. Мы попробовали посмотреть на университет с точки зрения человека, который не говорит по-русски и не может ни к кому обратиться. Надо ему помочь и создать инфраструктуру на языке, хотя бы самую простую навигацию. Элементы этой навигации создали, у нас сейчас есть карта, все таблички, все указатели на корпусах, у нас есть англоязычные меню во всех столовых. Затем мы создали курсы академического письма, а потом и курсы академического английского. Мы сейчас создаем вот такую внеклассную среду. У нас уже два года работает два англоязычных клуба, которые мы организовали. Клубы посещает Джин Коллонтай и ее муж Бернард Ричерт. Один клуб открытый, там профессура и не только она. Туда примерно 30–40 человек ходит. Другой профессорский клуб, туда входят только преподаватели, человек десять примерно. Потом стало понятно, что людям надо какую-то особую комфортную обстановку создать для изучения языка, и мы подумали об открытии англоязычного кафе. Решили, что оно будет работать по такому принципу: тому, кто говорит по-английски, скидка или что-то бесплатно. В университете оказалось сложно открыть кафе, так что мы нашли место через дорогу. Они просто нас приняли, раз-два мы у них наши встречи провели, а сейчас я выяснил, что у них это каждую неделю проходит. И еще одна форма, которую мы создали, – это тематические клубы-семинары на факультетах. Почти все факультеты два раза в месяц проводят теоретические и методические семинары на английском языке. Если кто-то из преподавателей факультета собирается ехать на конференцию, он или она читает доклад на семинаре на иностранном языке, конечно, и этот доклад на языке обсуждается. Или приехал кто-нибудь интересный из-за рубежа, выступает, и его доклад потом обсуждают. Или просто какая-то тема, которую они хотят обсудить. Еще есть две интересных формы. Одна – пятница на английском на химическом факультете. У них есть очень передовая лаборатория каталитических исследований. Я не знал, что у них есть эта форма. После нашего международного совета они каждую пятницу решили говорить на английском вообще с утра до вечера. То есть производственные темы они обсуждают на английском. Сейчас туда Джин с Бернардом ходят, но не на весь день, а часа на два. Помогают им живой язык услышать. Другая – факультет информатики. Там руководство утром по полчаса говорят по-английски на разные темы, а потом они устроились у нас учиться все. Плюс они проводят у себя собрания на языке. Кроме того, мы достаточно серьезно модифицировали сайт, он еще не совершенен в языковом плане, но гораздо лучше стал. Еще мы создали центр языковых

компетенций, который всю эту работу направляет у нас в университете и курирует работу трех центров перевода. Один центр социогуманитарный, другой физико-математический и один универсальный. Вот это то, что мы делаем. И еще у нас в ближайших планах, по совету Кевина Даунинга (консультант Qs Consulting, руководитель Центра развития научных исследований в City University of Hong Kong. – *Прим. ред.*), напротив моего кабинета, через коридор, открыть центр иностранного языка, который будет работать в вечернее время. С шести часов, когда нет посетителей, и до десяти, когда уже пора идти домой, у нас где-то пять человек сможет сидеть и смотреть английское телевидение или в «Скайпе» с кем-нибудь общаться, литературу на английском читать. Только те, кто хочет, мы никого насильно звать не будем. У нас довольно много специальной литературы на английском, у нас замечательная художественная библиотека на английском, у нас же американский центр был. Они очень много литературы за это время привезли. У нас он назывался American research center. Теперь он называется Зал американской и британской литературы. Получается, что такая материально поддерживающая среда у нас тоже есть. В этом центре есть картотека фильмов, которые мы можем показывать для ограниченной аудитории. Потом мы хотим в наших центрах и в нескольких холлах, где есть большие телевизоры, пустить вещание на английском языке, либо CNN, либо BBC, либо что-нибудь еще. Найдем что-нибудь, чтобы живой язык был постоянно.

– Ну и напоследок, как ты думаешь, как изменится идентичность преподавателей и ученых в результате тех изменений, которые несет с собой интернационализация? Как на них отразится внедрение «международного измерения»? Ведь для многих, почти всех без исключения, интернационализация, без преувеличения, это вызов. Как ты относишься к этому вызову?

– Я к этому отношусь сугубо положительно. Я считаю, что, столкнувшись с большим количеством разных оценок, мы приобретем более взвешенные представления о самих себе и, соответственно, нашей идентичности. Наша идентичность станет более отчетливой, более многогранной. Люди узнают себе цену. Будут ли такие, кто не захочет этого делать, и, скорее всего, они просто будут контактно закрываться. Я начал различать варианты русского языка после того, как четыре месяца прожил в Чикаго. Твоя идентичность – это то, как видят тебя другие люди и как ты себя им презентуешь. Идентичность – это то, кто ты в контексте. Если контекста нет или он какой-то маленький и убогий, то идентичность будет нечеткая. Проблема идентичности возникла, когда традиционные социальные, гендерные, классовые позиции стали плыть. Иногда хорошо, что они поплыли, потому что возникает более адекватное представление о том, кто ты есть. Мне один британский социолог из Шеффилда объяснил, что такое идентичность, на примере белого

населения ЮАР. В ЮАР до апартеида белое население всегда знало, кто они такие, у них была четкая линия жизни. Они были теми, кто всегда поступает в вузы, устраивается на среднеклассовые позиции, занимает хорошее положение в жизни. А после того как апартеид пал, они оказались непонятно кем. Во-первых, они разделились. Буры говорят: «Англичане, у вас у всех есть в кармане британский паспорт. Вы тут дел наворотили, а потом все свалили в Англию или в Канаду куда-нибудь, а мы остались в заложниках вашей непродуманной политики». Белое меньшинство сразу развалилось, и стало непонятно, кто они, но явно больше не доминирующая группа. Тут-то и начался этот вопрос об идентичности. Какова наша история, едины мы или нет, что с нами будет потом, чем должны заниматься, на что способны, а на что не способны?

– Спасибо большое.

